

4. Псалтирь, или Богомысленные размышления, извлеченные из творений Святаго Отца нашего Ефрема Сирианина и расположенные по порядку Псалмов Давидовых. Издание 9-е, Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1913.

5. Рафаил (Карелин), архим. Умение умирать, или искусство жить. Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2004. – 445 с.

6. Святые отцы о молитве // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://azbyka.ru/tserkov/duhovnaya_zhizn/molitva/svyatye_otcy_o_molitve-all.shtml/ Дата обращения: 11.10.2014. Заглавие с экрана.

7. Шевырев С.П. История русской словесности. Часть четвертая. / С.П. Шевырев. М., 1860. С. 178– 196.

Об авторах

Никитенко Андрей Викторович, певчий храма ап. Петра и Павла в с. Карачарово Конаковского района Тверской области, бакалавр теологии. E-mail: theology@list.ru

Горшкова Светлана Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теологии Института педагогического образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». E-mail: s.gorshkova@mail.ru

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ЖИТИЙНЫХ ПОВЕСТВОВАНИЙ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКИ

Л.Я. Мещерякова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь

В статье рассматриваются основные категории современной медиевистики в аспекте типологии житийных повествований.

Ключевые слова: *медиевистика, житийные повествования, агиотип, канон, жанр.*

Теоретическая подготовка бакалавра теологии, безусловно, является одной из самых важных, приоритетных задач в области теологического образования на современном этапе. Полноценное представление о ценностной сущности культуры Православия невозможно без формирования базовых категорий в области теологии и православной культуры. К числу таких базовых представлений с уверенностью можно отнести и такой раздел теологического знания, как агиология (применительно к тематике данной статьи – житийное повествование).

Говоря о типологии житийных повествований, следует упомянуть одну из самых современных медиевистических концепций, отраженную

в работах Л.В. Левшун [3]. Житийный текст невозможно более или менее адекватно проанализировать, если не опираться на определенную типологию житийных повествований. Отметим, что здесь мы наблюдаем как минимум два подхода. Первый сближается по своим принципам с западной христианской традицией, согласно которой в основе каждого житийного повествования лежит свой принцип имитации (или уподобления). Однако существует и другой подход, согласно которому все житийные тексты можно разделить в соответствии со спецификой повествования на несколько типов (житие как словесная икона, проложное житие, биос, патериковые рассказы житийного характера) [3].

Общность этих двух подходов выявляется в использовании такого ключевого понятия, как «агиотип». Ориентируясь на него, создатель житийного текста, как правило, старался найти, кому из уже известных святых подобен его герой. Этого известного святого и принято называть агиотипом. Чаще всего в качестве агиотипа выступал святой, тезоименный святому, чье житие предстояло написать «автору». В процессе создания литературного образа нового святого агиотип выступал как промежуточное звено между святым как «первообразом» и его литературным воплощением в житийном тексте. «Будучи «конкретно-индивидуальной» моделью святости, «агиотип» как бы «предлагал» собой уже готовую «форму» для последующего литературного изображения нового святого» [5]. Уподобление могло осуществляться как вербально, то есть с помощью развернутого сравнения «нового святого» с «агиотипом», так и невербально, то есть посредством выстраивания нового агиографического текста по образцу некоего канонического текста, посвященного «агиотипу». Следует отметить, что второй (невербальный) способ был наиболее распространенным в древнерусской агиографии. Например, житие Нила Столобенского создано на основе жития Авраамия Затворника, который выступает в роли агиотипа по отношению к преподобному Нилу Столобенскому [5].

Напомним, что Церковным Уставом предписывалось три типа назидательных чтений: 1) агиографические повествования, 2) толкования и оглашения, 3) похвальные слова святым и праздникам. Соответственно возникли и три типа жанровых ассоциаций – агиография, экзегезис, панегирика. Агиографическая жанровая ассоциация была призвана назидать «верующих на поучительных примерах жизни подвижников и святых, определенным образом показанных исторических лиц и событий...» [2, с. 115]. Цель

агиографической литературы – научение благочестивым переживаниям, утверждение в подсознании «модели» христианского поведения, а если говорить шире – демонстрация пути соединения с Богом. Причем интересным является как вопрос об авторе того или иного агиографического текста в аспекте следования традиции, соответствия канону, так и о «читателе» произведения, изменении характера его мировоззрения, способности воспринимать текст определенного характера. По верному замечанию Л.В. Левшун, именно агиография (в отличие от экзегезиса и панегирики) «обладала наибольшим потенциалом «приспосабливаемости» к характеру субъекта восприятия ...не должна была касаться догматики и сложных вопросов вероучения, а потому была *более свободна и разнообразна в изобразительных средствах*» [2, с. 116]. Последнее замечание исследователя интересно в аспекте рассмотрения пространства поэтики житийного текста, осмысления его художественной природы (естественно, в контексте средневековой традиции). Центром внимания при этом становится рассмотрение топоса [8]. Само понятие топоса является в древнерусской литературе одним из наиболее тонких и сложных вопросов, однако «открытия в этой области могут стать во многом переломными в нашем представлении о художественности древнерусской литературы» [1].

Принципы имитации и соответствующие им основные топосы в древнерусских агиографических текстах («западная традиция»)

Неоценимую помощь при рассмотрении того или иного типа жития в контексте традиции оказывает материал, рассматривающий схемы их литературных топосов [8, с. 59] – мотивов, образов, устойчивых формул, библейских и святоотеческих цитат и т.д. Степень адекватности отражения «образа» (аспект *imitatio*) в какой-то мере зависит от полноты реализации идеальной схемы. Интересен, безусловно, и сам момент отхода от традиции в трактовке «образа» святого.

Одной из наиболее устойчивых характеристик средневекового текста (особенно значительной в памятниках с нормативной поэтикой) является принцип имитации [4]. Принцип *imitatio* получил наиболее яркое выражение как литературный феномен именно в агиографии. Большинство типов святости может быть определено, помимо характеристики подвига святого, ориентацией на тот или иной духовный авторитет или «сакральный образец» [6].

Можно выделить несколько принципов имитации, соответствующих определенному типу подвига.

I. Imitatio Christi

В данном случае суть подвига святого – жертва за веру. Текстам данного типа свойственны следующие топосы:

- а) желание полного уподобления Христу, вплоть до мученической смерти;
- б) восприятие собственной смерти как уподобления страданиям прежних христианских мучеников;
- в) предсмертное прощение врагов.

Необходимо отметить, что подражание Христу в широком смысле – цель не только всех святых, но и всех христиан. Однако только в житиях мучеников мы можем проследить наличие указанных топосов как факт фиксации канона.

II. Просветители народов (Imitatio apostoli или Imitatio Constantini)

Топосы, свойственные указанному типу имитации, в большинстве своем ориентированы на апостольские жития или на житие Константина Великого как первого христианского императора.

В восточно-христианской традиции миссионерам приписывался особый титул – «равноапостольный». Данному принципу имитации свойственны следующие топосы:

- а) именование крестителя того или иного народа равноапостольным, а подчас и собственно апостолом;
- б) уподобление святого апостолам или Константину Великому;
- в) использование аллюзий на фрагменты из Псалтири;
- г) описание в устойчивых формулах жестокости язычников, пытающихся убить святого;
- д) мотив «прения с волхвом» (или волхвами), восходящий к сюжету о прении с Симоном-волхвом из апокрифических Деяний Петра и Павла;
- е) использование фрагмента «Слова о Законе и Благодати» о прославлении просветителей народов («Хвалить же похвальными гласы Римская страна Петра и Паула») как преамбулы для похвалы новому крестителю.

III. Imitatio angeli (жития преподобных)

Наиболее разработанными в настоящий момент (с точки зрения выявления житийной топики) являются преподобнические жития. Проанализировав значительный корпус древнерусских иноческих житий XI–XVII веков, Т.Р. Руди выделяет (по отношению к житиям преподобных) особый вариант агиографической схемы (имеется в виду схема основной части), состоящей из 25 топосов [8, с. 431–500]. Конечно, как отмечает исследовательница, далеко не все они

обязательно присутствуют в том или ином конкретном житии преподобного. Однако, по нашему мнению, наличие указанных топосов в схеме жития позволяет решить вопрос о том, насколько конкретное житие отражает представление об «идеальном» в сознании древнерусского «автора» и «читателя». Приведем далее краткое описание преподобнических топосов:

1) мотив божественных знамений до рождения святого и / или во младенчестве, свидетельствующих о его избранности и посвященности Богу (топос может присутствовать и в других типах житий, но в житиях преподобных он получил особое распространение);

2) отрок, будущий святой, с самого детства мечтает о постриге, будучи объят божественной любовью (этот топос часто сопровождается цитатами из Евангелия, которые отрок слышал во время церковной службы);

3) подвижник покидает родительский дом и уходит в монастырь, не взяв с собой ничего, кроме одежды и (иногда) хлеба;

4) уход святого в монастырь (или, позднее, из монастыря в пустыню), который зачастую описывается с использованием ряда вербальных формул, передающих его душевное состояние (например, «окрылатев умом»);

5) игумен монастыря первоначально не соглашается на постриг будущего святого, объясняя свой отказ молодостью отрока и/или тяжестью постнического жития;

6) после испытания отрока игумен постригает его, провидя «внутренними очами», что тот «сосуд хочет бытии святому духу» или, в другом варианте, «сосуд избран»;

7) при описании пострига святого часто используется особый мотив, который можно определить как топос «отъятия влас» (вместе с волосами подвижник как бы оставляет и все мирские помыслы ради жизни духа);

8) в случае если подвижник уходит из мира не в монастырь, а в пустыню (или из монастыря в пустыню), обретение им места будущих подвигов, как правило, сопровождается библейскими цитатами, самыми распространенными из которых являются цитаты из Псалтири (например: «Се покой мой в век века, zde вселюся, яко изволихъ и» (Пс. 131:14));

9) в монастыре молодой монах (или отрок еще до пострига) внимает поучениям игумена, принимая их, «как земля добродородная принимает семена и возвращает их с торицей» (аллюзия на Евангельскую притчу о Сеятеле);

10) святой усердно посещает церковную службу, первым приходит в храм и последним его покидает (топос, заимствованный из византийской агиографии);

11) в монастыре преподобный проходит различные службы, в том числе в поварне, где, глядя на огонь печи, вспоминает о геенне огненной;

12) святой ходит в нищенских одеждах (топос также восходит к византийской агиографии);

13) аскетические подвиги святого, различные формы «томления тела»;

14) сон святого всегда краток: он чаще всего спит сидя или стоя, или вообще проводит ночь без сна в молитвах;

15) мотив «лествицы» при описании иноческих подвигов святого (восходит к известному произведению Иоанна Синайского «Лествица»);

16) мотив борьбы святого с бесами (это мотив присущ и другим типам житий, однако в житиях преподобных он особенно широко распространен и является их обязательным топосом);

17) святой тверд в вере (этот топос часто реализуется при помощи формулы «Яко столб непоколебим» (например, в житии Ефрема Новоторжского) или «Яко твердый адамант» (например, в житиях Макария Калязинского и Нила Столобенского);

18) повсюду разносится слава о святом, о его добродетельном житии в трудах и подвигах;

19) святой не может терпеть «славы от человек» и уходит из монастыря в пустыню.

Отдельно можно говорить о топосах, свойственных житиям основателей монастырей. К ним, в частности, относятся следующие:

1) мотив божественных знамений на месте будущего монастыря;

2) мотив постановки креста на месте будущей монастырской церкви;

3) мотив отеческой любви игумена к братии, одним из элементов которого является формула «Яко отец чадолюбивый» (например, в житии Ефрема Новоторжского);

4) мотив предсмертного наставления святого братии (обязательный топос во всех житиях основателей монастырей);

5) при описании преставления святого (как правило, известном подвижнику заранее) используются особые формулы;

6) мотив плача иноков о преставившемся игумене.

IV. Imitatio Mariae

Данный тип имитации относится к житиям святых жен. При создании житий святых жен прослеживается ориентация на

«Каллистратово житие Пресвятой Богородицы» как на сакральный образец [9]. Основными топосами житий святых жен являются следующие:

- а) описание нрава;
- б) мотив обучения грамоте и Священному Писанию;
- в) мотив рукоделия;
- г) мотив «внутреннего разума»;
- д) мотив безбрачной жизни [7].

Рассмотренные выше принципы уподобления и имитации, а также соответствующие им топосы являются, по нашему мнению, точками фиксации «канона» в тексте, помогают реализации основных смыслов, заложенных в житийном тексте, позволяют с большой степенью «адекватности» отразить образ того или иного святого с учетом определенного адресата текста. Поэтому они будут использованы нами в дальнейшем в процессе практического анализа текстов житий тверских святых с целью выявления степени соотнесенности конкретного текста с канонам либо отступления от него.

Восточнославянская агиография типикарного и нетипикарного круга («восточная традиция»)

Другой подход к типологизации житийных текстов связан с определением трех составляющих не только агиографического текста, но и средневекового текста в целом. Поэтому агиография типологизировалась с учетом сферы ее употребления:

1) синаксарное, или проложное, житие являлось составной частью канона святому и относится к панегирическому разделу чтений;

2) минейное, патериковое, летописное житие было призвано описывать «подвиг» святого и относится к дидактико-агиографической группе повествований. Важно, что житие может включать элементы богословского экзегезиса, однако доминирующим в житии экзегезис никогда не бывает, поскольку предмет его изображения – вероучительные истины. Житие же призвано или показать, или прославить праведную жизнь (а чаще соединить эти две цели) [3].

В свою очередь, жанровые модификации агиографии зависели от того, насколько подробно агиограф хотел рассказать историю святого. Так возникли основные разновидности – мартирии (описание мученической смерти святого); житие-биос (по возможности полное описание жизни и подвигов святого от рождения до преставления); похвала святому – краткое изложение основных событий жизни с последующей похвалой святому; проложное житие – со-восхваление читателем-слушателем подвига святого (имеется в виду итог, а не

процесс восхождения по духовной лестнице; повествование в этом типе жития сведено до минимума).

Мартирии рассказывали о том или ином примере страдания христианина, часто распространялись в виде письма одной христианской общины другой. Они использовались в качестве назидательного чтения.

В житии-биографии агиограф стремился как можно более подробно описать идеальную жизнь святого, в отличие от мученика, в котором описывался идеальный момент.

«Похвала» святому – это лаконичное изложение основных событий его жизни и восхваление ему.

Главная цель «патерикового» жития – пробудить в людях, которые только что встали на путь веры, горячее желание подражать тому или иному святому. Важно, что, несмотря на всю трудность духовного восхождения, в финале жития подвижник не обязательно достигал высшей степени святости (как это практически всегда мы можем наблюдать в минейных житиях), поскольку агиограф помнил о духовной немощи «начинающих». Поэтому богословские истины выражались в патериковом житии именно как норма житейского поведения, а не абстрактная идея.

Паремийные и четьи-минейные жития были сходны между собой по форме изложения, поскольку ориентировались на тех, кто мог видеть путь восхождения к Богу во всей полноте. Таким читателям необходимо было указать главное направление. В то же время четьи-миней отличались от паремийного варианта жития тем, что в них содержалось немало подробностей будничного свойства. Читающий житие был ориентирован на желание подражать именно потому, что между святым и христианином нет границы, которую невозможно было бы потенциально преодолеть.

Проложное житие (синаксарий) восхваляет итог подвига, а не его процесс. В нем образ праведника должен быть максимально схожим с Первообразом. Поэтому в нем нет места никаким деталям и реалиям земной жизни.

В связи с описанными особенностями функционирования различных типов житийных повествований возникает множество стилистических вариантов жития: в патериковом рассказе святой показан «как один из нас, грешных», в паремийном житии – «святой как духовный труженик», в проложном житии – «святой как предстоящий перед Богом, молитвенник и заступник». От характера предмета изображения зависит и стиль текста: проложное житие отражает

особенности символически-панегирического стиля; паремийное и минейное призвано со стилистических позиций «психологического анализа» отображать образ; патериковое же житие воздействует прежде всего на чувственно-эмоциональную сферу читателя и ориентировано на «начинающих». Однако действительно важным является то, что в намеченное разделение на группы является уловным по отношению к конкретному тексту, поскольку в реальной жизни различные модификации житийного канона постоянно смешивались.

Еще одним важным аспектом, который влиял на характер произведения, являются типы гнозиса (познания) в христианской культуре. Однако эта тема заслуживает, безусловно, отдельного внимания.

Итак, мы видим, что в современной медиевистике наблюдаются два основных подхода к пониманию сущности житийных повествований, а точнее, принципов создания образа святого. На практике конкретный текст строгой линейности не обнаруживает. В каждом конкретном случае указанные компоненты могут сочетаться, что и обосновывает само многообразие типов текста. Эта же причина обуславливает, на наш взгляд, и возможность рассмотрения отдельного списка произведения вне рамок историко-текстологического подхода.

Список литературы

1. Конявская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI- сер. XV в.) / Е.Л. Конявская. М.: Языки русской культуры, 2000. 199 с.
2. Левшун Л.В. Категория жанра в средневековой восточнославянской книжности: жанр и канон / Л.В. Левшун // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2006. № 26. С. 116.
3. Левшун Л.В. О слове Преображенном и слове Преображающем: теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI– VII веков / Л.В. Левшун. Мн., 2007. 880 с. С.268–387.
4. Панченко А.М. Топика и культурная дистанция / А.М. Панченко // Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 236.
5. Панченко О.В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) / О.В. Панченко // Труды отдела древнерусской литературы. М.: Наука, 2003. Т.54. С.491–534. С. 493.

6. Руди Т.Р. «Imitatio angeli» (проблемы типологии агиографической топики) / Т.Р. Руди // Русская литература. 2003. № 2. С. 48–59.

7. Руди Т.Р. Праведные жены в Древней Руси (к вопросу о типологии святости) / Т.Р. Руди // Русская литература. 2003. № 3. С. 84–98.

8. Руди Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) / Т.Р. Руди // Русская агиография: исследования, публикации, полемика: сборник научных работ Ин-та русской литературы (Пушкинский дом). РАН. СПб.: Из-во «Дмитрий Буланин», 2005. С. 59–60.

9. Творогов О.В. Житие Богородицы / О.В. Творогов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. М., 2004. Вып. 1. С.137–138.

Об авторе

Мещерякова Лариса Яковлевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теологии Института педагогического образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». E-mail: theology@list.ru

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ НАЧАЛЬНОГО ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В ПЕРИОД XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.

В.А. Симора

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь

В статье автор освещает вопрос становления начального богословского образования в приходских и уездных духовных училищах в период XVIII – первой половине XIX вв. Обращается особое внимание на состояние духовных училищ в учебно-воспитательном отношении. Приводятся статистические данные о количестве училищ и о качестве образовательного процесса.

Ключевые слова: *духовное образование, приходские и уездные духовные училища, реформы, учебно-воспитательный процесс, Устав, учащиеся, программы.*

Учащиеся в высших учебных заведениях по направлению «Теология» при поступлении должны обладать основными богословскими знаниями, поэтому на данную кафедру в большинстве случаев поступают: во-первых, выпускники православных общеобразовательных школ,